

После того как в учительской выслушали историю, Акиру отвели в малую аудиовизуальную комнату.

— Сегодня ты остаёшься здесь, Акира-кун. Всё в порядке, я уже сообщила твоим домашним, так что не волнуйся.

Квадратная комната, обшитая белыми звукоизоляционными панелями, была тесной — в ней помещались только стол и стул.

— Немного рановато, но вот ужин. Молоко тоже обязательно выпей до конца.

Еда была скудной — только булочка и молоко. У Акиры не было ни капли аппетита, к тому же ему не хотелось, чтобы подумали, будто он сдался, начав есть, поэтому он даже рта не открыл.

— Ничего не поделаешь... Хотя бы молоко надо выпить. А то не вырастешь, правда?

Позади учительницы Румико появился школьный врач Усида. С недовольным видом он воткнул трубочку в пакет молока, прижал Акиру и силой вставил трубочку ему в губы. Акира попытался сопротивляться, но не мог противостоять силе взрослого. Ему зажали нос, и, давясь, он понемногу глотал молоко. На вкус оно было ещё горче, чем то, что давали в школьной столовой, и язык словно онемел.

— Ну что ж, спокойной ночи, Акира-кун. Увидимся завтра.

Перед глазами всё поплыло.

Что-то подмешали... да, как и в то молоко в школьной столовой.

Но на этот раз количество лекарства, добавленного в молоко, было несравнимо больше. Уткнувшись лицом в стол, Акира терпел головокружение.

После того как учителя ушли, компьютер на столе автоматически включился. Изображение началось с вращающейся спирали из точек, которая, переливаясь радужными цветами, начала сжиматься.

Выступил холодный пот, дыхание участилось.

— Ха-а... ха-а... ха-а... ха...

Зазвучала низкая, завораживающая музыка. Тяжёлые басы, отдающиеся в животе, глухо перемешивали воздух. Повторяющиеся слова, которые, казалось, вот-вот можно было разобрать, но невозможно было понять, скрывались за пределами звукоряда...

Словно кто-то грубо засунул руку в голову и перемешивал всё внутри.

Сила, стремящаяся раздавить то, что было признано ненужным, отвергнуто как вредное, и вытеснить это из памяти...

(Нет... нет!)

Я не хочу перестать быть собой.

Я не хочу забывать. Мои воспоминания — это моё.

Терпя головокружение и головную боль, Акира сел в углу комнаты, зажав уши руками и сжавшись в комок. Сквозь стиснутые зубы вырывались всхлипы.

Я не хочу забывать...

Усталая улыбка отца, обернувшегося со словами «Ты в порядке?»...

Мать, проливавшая слёзы и говорившая: «Я родила тебя, выкормила грудью, вырастила»...

Сестра, которая исчезла, которую стёрли, чьего имени я даже не знаю...

И Кидзю.

«Кидзю... Ицуки...»

Нет, я не хочу забывать.

Неизвестный мир — возможно, мир, которого лучше было бы не знать, — но тот, кто открыл мне его.

Но я уже узнал.

Я не хочу забывать это, притворяться, что не знаю, и жить дальше.

Улыбка, когда он впервые узнал, что опухоль исчезла, и запрыгал от радости, вновь всплыла перед глазами.

(Я не хочу забывать)

Сколько времени прошло — он не знал.

— Ицуки...

— Акира.

Вздвогнув, Акира открыл глаза.

Он подумал, что это слуховая галлюцинация...

На первый взгляд в комнате, окружённой звукоизоляционными панелями, ничего не изменилось — только радужный сжимающийся свет от компьютера отражался на стенах.

— Аки-ра. Я здесь.

В одном углу стены была вставлена металлическая панель размером около тридцати сантиметров с отверстием, и голос доносился из-за неё.

— А... а, Ицуки.

Поддерживая кружащуюся голову, Акира подполз туда. Похоже, это был вентиляционный воздуховод — чувствовалось движение воздуха.

Панель была с отверстием, в которое проходил разве что один палец, но за ней определённо было дыхание мальчика, и во тьме блестели глаза. Пахло им — его привычным запахом, напоминавшим сельдерей или что-то в этом роде...

— К-как... почему... ты здесь?

— Акира, звал. Меня.

Радостно сказал он. «Поэтому пришёл».

— Но... не может быть... вообще, если тебя кто-нибудь здесь найдёт...

— Акира, меня, звал.

Снова сказал он. «Рад. Акира, меня, звать, ра-дость».

Акира почувствовал, как его горло дёрнулось от спазма.

— Ицуки... Кидзю-у...

Из горла вырвался всхлип, слёзы тёплыми каплями потекли по щекам.

— Я, пришёл. Что, случилось...?

Растерянно прошептал Кидзю. Акира не ответил, прижавшись щекой к вентиляционной решётке. Сквозь холод металла к щеке прикоснулось что-то тёплое. Это был язык Кидзю, слизывающий слёзы Акиры.

— Не, плачь. Акира.

Тёплое дыхание коснулось щеки.

С чмокающим звуком Кидзю поцеловал щёку Акиры. Акира молча прижался губами к тому же месту. Кидзю, не колеблясь, прикоснулся губами сквозь вентиляционное отверстие. Их дыхание сталкивалось и смешивалось. Твёрдая металлическая панель нагрелась от тепла их тел. За привкусом железа и пыли растворялась сводящая с ума сладость.

Низкие, глухие, бездушные звуки больше не беспокоили его.

(Он здесь... Папа и мама тоже по-прежнему в моей голове. Даже исчезнувшая сестра)

Хотя я даже не могу вспомнить её имени.

Сладость губ Кидзю проникала внутрь, мягкое прикосновение двигалось, словно утешая.

(Я... не забуду. Ни за что... каждое из этих ощущений, которые я чувствую сейчас, я не забуду)

Соприкасаясь кончиками пальцев, кончиками языков, чувствуя друг друга, Акира мысленно повторял...

— Об-мен, слю-ной.

Чуть более внятным голосом прошептал Кидзю сквозь панель. «Рад».

— Я тоже рад... но.

Прошептал Акира. «Тебе нельзя здесь оставаться. Если тебя найдут, тебя обязательно утилизируют. Внутри нет места, чтобы спрятаться».

— Ещё, побуду. Вместе, хорошо.

— Но, Кидзю...

— Акира, спи.

— Не уступал Кидзю. «Пока, побуду».

— Не усну я в таком месте...

— Заговор, есть. Уснёшь.

— Заговор?

— Угу. Страшное, исчезнет. Заговор.

— То, что ты говорил...?

— Угу.

Сказал Кидзю. «Повтори».

— Угу...

— Кор-ня ясе-ня.

— Ясеня? Кор-ня...

— Вы-со-кой вет-ви.

— Вы-со-кой... вет-ви...

— Зем-лём по-кры-то-го кор-ня.

— Землём... покры-то-го... а?

— Землём покрытого корня.

— Землём, покрытого корня...

— Ис-точ-ник — судь-ба.

— Ис-точ-ник — судь-ба...

Голос Кидзю был низким и мягким, он пробивался сквозь шумовые помехи прямо в уши Акиры. Акира медленно повторял цепочку слов. Высокая ветвь... распускающееся дерево — этот образ смутно возникал в голове. Тёплое дыхание Кидзю касалось уха, и тело постепенно расслаблялось.

Когда он произнёс это в четвёртый раз, Акира, опершись на вентиляционную панель, провалился в сон.

— Акира. Спокойной ночи.

Кидзю прошептал это его бледному лицу и поцеловал мягкие волосы.

<http://bllate.org/book/18129/1740492>